

в приращении своих наследств: и для того он опасался, чтобы сребролюбие не собрало поместья в единую руку <...> Ликург изгнал употребление сребра и золота и пустил в обращение железную монету. Он учредил народные столы, где каждый гражданин принужден был непрестанный подавать пример воздержания и строгости» (I, 237).⁴²

В основе политической концепции книги лежит идея народного суверенитета. Идея республики была выражена в переведенной Радищевым книге с неслыханной смелостью. Греция, «восхотев» «быть вольной», сбросила царей. «Тогда любовь к бесподанству стала отличающим греков качеством: даже царское имя им стало ненавистно и удрученный город мучителем был бы всей Греции поношением» (I, 232). Величие античного мира прямо связывается с господством республиканского строя: «Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностью и соревнованием в ней произращенных» (I, 232).

Свобода — высшее благо, и «народ никогда по воле своей не оставляет свою независимость» (I, 318).

Исполненный добродетели мир древних республик прямо противопоставляется монархическому рабству современности: «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разум равен от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война и производится в землях к повиновению обыкших и защищаемых наемниками. Самые республики, нам предлежащие, представляют токмо толпу мещан, прилепленных ко гражданским упражнением: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов, предпочитающих разрушение свое потере своей вольности. Спартане и афиняне хотели умереть свободными» (I, 245).

Для характеристики политических воззрений Мабли в такой же мере, как и для его социальных взглядов, показательна

⁴² Кстати, бесспорно, именно это имел в виду Радищев, когда иронически писал в «Путешествии» о крестьянах, питавшихся за общим столом на помещичьем дворе: «По обыкновению лакедемоняне пировали вместе на господском дворе». Ясно, что Е. В. Приказчикова заблуждается, когда упорно истолковывает в своих работах это место как сравнение крепостных крестьян с греческими рабами: «Радищев недаром сравнивал этих крестьян с лакедемонянами и называл их узниками: они были на положении таких же говорящих орудий, как рабы в рабовладельческой системе» (История русской экономической мысли, т. I, ч. 1. Гослитиздат, М., 1955, стр. 638). Радищев, конечно, знал, что рабами в Спарте были илоты, термин «лакедемоняне» имел в виду лишь свободных граждан. Ср. употребление этих терминов в радищевском переводе Мабли (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. Изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 238).